

Е. Н. ДУБОВЦЕВА

СЮЖЕТ О НЫРЯЮЩЕЙ ПТИЦЕ В НЕОЛИТЕ — ЭНЕОЛИТЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

На неолитических памятниках севера Западной Сибири, датируемых серединой VI — серединой V тыс. до н. э., найдены сосуды со своеобразными изображениями водоплавающих птиц. Стилистика и техника исполнения отличают эти мотивы от образов водоплавающих птиц на гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике неолита и энеолита Зауралья и Европейской части России. Наиболее близкими по морфологии к ним являются изображения птиц на липчинских сосудах стоянки Разбойничий остров в Зауралье. Своеобразна и локализация изображений на сосуде. В верхней части емкости они обычно расположены головами вниз, а в нижней — головами вверх. Л. Л. Косинская интерпретирует подобные изображения как иллюстрацию уральского космогонического мифа «о нырянии за землей». Идентичные изображения обнаружены на энеолитической керамике поселения Горный Самотнёл (нижнее течение р. Оби). Устойчивость подобных сюжетов на протяжении двух тысяч лет служит отражением развития керамической традиции и социокультурных контактов.

Дубовцева Екатерина Николаевна — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: ket1980@yandex.ru

При раскопках поселения Быстрый Кульёган 66 в Сургутском Приобье (середина VI — первая треть V тыс. до н. э.) обнаружено три сосуда с изображениями, напоминающими водоплавающую птицу. «Иконография фигурок своеобразна: низкий равнобедренный косо заштрихованный треугольник образует туловище; одна из боковых сторон треугольника выходит за его вершину, изображая тем самым шею птицы; голову моделирует короткий отрезок, расположенный под острым углом к линии шеи. Косая штриховка, параллельная “спинке” удачно имитирует оперение» [Косинская 2001, с. 58]. Птицы располагаются горизонтальными фризами в различных частях сосуда, их головы направлены то вверх, то вниз. Фризы разделены тремя, четырьмя волнистыми линиями или незаполненными зонами. Все изображения выполнены в технике прочерчивания или отступления. Идентичные мотивы также зафиксированы на других поселениях быстринской культуры (Барсова Гора II/8, Пыхты I), а также на пос. Большая Умытья 2 (бассейн р. Конды). Существует вариация данного изображения без головы. «Безголовые» птицы, как правило, расположены в нижней части сосуда. Такие фигуры известны и на раннеэнеолитической керамике бассейна р. Конды (Сумпанья VI, Большая Умытья 109). Все указанные поселения, кроме последнего, имеют близкие радиоуглеродные даты, укладывающиеся в период среднего неолита (середина VI — середина V тыс. до н. э.). Посуда этих памятников идентична по ряду признаков и относится к одной керамической традиции.

Интерпретация данного мотива как изображения водоплавающих птиц у некоторых специалистов вызывает сомнение, так как их иконография довольно специфична и они сильно отличаются от образов водоплавающих птиц на гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике неолита и энеолита Зауралья и Европейской части России [Чаиркина 2005; Жульников, Кашина 2010]. Однако существуют и совершенно иные изображения птиц. «Тулова треугольной или трапециевидной формы, заштрихованы вертикальными и наклонными линиями. Голова обозначена короткой линией. Шея оформлена одной-двумя линиями, расположенными вертикально либо под углом к тулову, лапы показаны двумя короткими отрезками» [Чаиркина 2005, с. 241]. Такие образы характерны для липчинских

сосудов стоянки Разбойничий остров. Быстринские и липчинские изображения сближает не только стилистика, но и техника исполнения; мотивы на Разбойничьем острове выполнены в отступающей технике.

Вызывает вопрос и расположение «птиц». Почему они изображены головой вниз? Л. Л. Косинская интерпретирует данные мотивы как иллюстрацию прауральского космогонического мифа «о ныряющей за землей водоплавающей птицы». Птица в верхней части сосуда обычно располагалась головой вниз (ныряние за землей), а в нижней части емкости — головой вверх (выныривание) [Косинская 2001, с. 59]. В. В. Напольских отмечает, что этот миф чрезвычайно древен и, безусловно, уже существовал в эпоху неолита [Напольских 2011, с. 215–217].

Удивительно, что сосуды с идентичным сюжетом обнаружены также на энеолитическом поселении Горный Самотнёл (3060–2920 гг. до н. э.), которое расположено в нижнем течении р. Оби. Керамический комплекс поселения как минимум двукомпонентен. Один тип посуды имеет аналогии с таежными неолитическими памятникам, в том числе быстринской культуры. Происхождение второго типа не установлено [Тупахина, Тупахин 2018, с. 47]. Среди керамики первого типа и были обнаружены сосуды с интересующим нас сюжетом. Всего найдено 4–5 фрагментов, все фигуры выполнены прочерчиванием. Контуры фигур полностью аналогичны быстринским, хотя штриховка расположена горизонтально [Тупахина 2016, с. 206, рис. 1]. Иногда фигуры изображены с двумя головами и шеями. Возможно, так передана пара птиц. Это может быть пара гусей или лебедей, как на петроглифах Восточной Европы [Жульников, Кашина 2010], или пара антагонистов мифа о ныряющей птице — утка и гагара [Напольских 2011, с. 215].

Независимо от интерпретации, устойчивость и повторяемость этого сюжета на протяжении двух тысяч лет несомненна. Анализируемые образы не были распространены на Севере Западной Сибири в период раннего неолита; на этой территории они появляются вместе с носителями традиции тонкостенной прочерченной керамики в середине VI тыс. до н. э. Данная керамическая традиция широко распространена в среднем неолите в таежной зоне (бассейн Конды, Сургутское, Нижнее Приобье, бассейн р. Аган). В позднем неолите она зафиксирована на р. Конде (пос. Большая Умытья 109), в энеолите — на крайнем севере (пос. Горный Самотнёл-1). Более отдаленные аналогии прослеживаются и в Зауралье (стоянка Разбойничий остров). Чем вызвана такая устойчивость? Какова функция таких сосудов? Никаких свидетельств использования данной керамики в ритуалах не зафиксировано. Возможно, данная ситуация является отражением развития керамической традиции и социокультурных контактов.

Библиографический список

- Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы в искусстве неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.
- Косинская Л. Л. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 57–60.
- Напольских В. В. Миф о нырянии за землей в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...». К 75-летию Ю. Б. Симченко. М., 2011. С. 215–272.
- Тупахина О. С. Образы птиц на керамической посуде эпохи энеолита Севера Западной Сибири (по материалам поселения Горный Самотнёл-1 // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 204–211.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение Горный Самотнёл-1: материалы и исследования // Археология Арктики. Салехард, 2018. Вып. 5. Прил.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.

E. N. DUBOVTSOVA

THE DIVING BIRD MOTIF IN THE NEOLITHIC — ENEOLITHIC OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

Vessels with the original waterfowl images have been found in several Neolithic sites of the north of Western Siberia. The sites were dated to the middle of the 6th — the middle of the 5th millennium BC. The style and the ornamentation technique differed from the similar waterfowl images on the comb and the pit-comb ceramics of the Neolithic and the Eneolithic of the Trans-Urals and the European part of Russia. The closest to them in morphology were the bird images on the Lipchinka vessels from Razboinichy Ostrov occupation site in the Trans-Urals. The localization of the images on vessels was also unusual. In the upper part of the vessel they were, as a rule, depicted heads down, and in the lower part — with their heads up. L. L. Kosinskaya interpreted this type of images as the illustration of the Ural cosmogonic myth about the “diving for soil”. Identical images were found on the Eneolithic pottery from Gorny Samotnjol settlement (the lower reaches of the Ob river.) The persistence of these motifs over the period of two thousand years reflected the evolution of the ceramic tradition and the socio-cultural contacts.

Ekaterina N. Dubovtseva — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: ket1980@yandex.ru

Д. Н. ЕНЬШИН

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ТИПОВ КЕРАМИКИ В КОНТЕКСТЕ БОБОРЫКИНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (ГОРНО-ЛЕСНОЕ ЗАУРАЛЬЕ, ТАЕЖНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

В тезисах поднят вопрос интерпретации многообразия боборыкинской посуды и эпизодичности наработок в области поиска причин вариативности ее форм и декора (хронологических, контактных и пр.), результатом чего стало выделение на западной и северной периферии ее ареала обособленных типов керамики — басьяновского и сатыгинского. Их принадлежность к боборыкинской культуре неоднозначна. В основе этой проблемы лежит фрагментарность материалов и дискуссионность хронологии боборыкинских комплексов. Решение этих вопросов могут обеспечить репрезентативные материалы из хорошо стратифицированных и датированных археологических памятников. Одним из таких может стать поселение Мергень 6 (лесостепная зона Западной Сибири), где в синхронном раннеэнеолитическом керамическом комплексе присутствует боборыкинская и кошкинская посуда, а также сосуды с «вытяжными» и «выдавленными» валиками (сатыгинский тип?) и емкости басьяновского облика.

Еньшин Дмитрий Николаевич — Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр СО РАН» (Россия, Тюмень). E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Одной из наиболее дискуссионных проблематик в изучении неолита Урала и Западной Сибири продолжает оставаться боборыкинская культура. Ареал распространения этих комплексов протянулся широкой полосой от восточных склонов Урала (горно-лесное Зауралье) до бассейна р. Ишим (лесостепная зона Западной Сибири). В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой проведена масштабная систематизация выявленных боборыкинских материалов, однако по ее итогам проблематично дать им четкую характеристику. Для